

Лев Николаевич Толстой

О переписи в Москве

Толстой Лев Николаевич

О переписи в Москве

Л.Н.Толстой

О ПЕРЕПИСИ В МОСКВЕ

Цель переписи научная. Перепись есть социологическое исследование. Цель же науки социологии - счастье людей. Наука эта и ее приемы резко отличаются от всех других наук.

Особенность в том, что социологические исследования не производятся учеными по своим кабинетам, обсерваториям в лабораториях, а двумя тысячами людей из общества. Другая особенность та, что исследования других наук производятся не над живыми людьми, а здесь над живыми людьми. Третья особенность та, что цель всякой другой науки есть только знание, а здесь благо людей. Туманные пятна можно исследовать одному, а для исследования Москвы нужно 2000 людей. Цель исследования туманных пятен только та, чтобы узнать все про туманные пятна; цель исследования жителей та, чтобы вывести законы социологии и на основании этих законов учредить лучше жизнь людей. Туманным пятнам все равно - исследуют их или нет, и они ждали и еще долго готовы ждать;

но жителям Москвы не все равно, особенно тем несчастным, которые составляют самый интересный предмет науки социологии.

Счетчик приходит в ночлежный дом, в подвале находит умирающего от бескормицы человека и учтиво спрашивает: звание, имя, отчество, род занятия и после небольшого колебания о том, внести ли его в список как живого, записывает и проходит дальше.

И так будут ходить 2000 молодых людей. Это нехорошо.

Наука делает свое дело, и обществу, призванному в лице 2000 молодых людей содействовать науке, надо делать свое. Статистик, делающий вывод из цифр, может быть равнодушным к людям, но мы, счетчики, видящие этих людей и не имеющие никаких научных увлечений, не можем относиться к ним не по-человечески. Наука делает свое дело и для своих целей в далеком будущем делает дело полезное и нужное для нас. Для людей науки возможно спокойно сказать, что в 1882 году столько-то нищих, столько-то проституток, столько-то детей без призору. Она может это сказать спокойно и с гордостью, потому что

знает, что утверждение этого факта ведет к тому, что уясняются законы социологии, а уяснение законов ведет к тому, что общества учреждаются лучше. Но что же, если мы, люди не науки, скажем; вы погибаете в разврате, вы умираете с голоду, вы чахнете и убиваете друг друга - так вы этим не огорчайтесь; когда вы все погибнете и еще сотни тысяч таких же, как вы, тогда, может быть, наука устроит все прекрасно. Для людей науки перепись имеет свой интерес; для нас она имеет свое, совсем другое значение. Для общества интерес и значение переписи в том, что она дает ему зеркало, в которое хочешь не хочешь, посмотрится все общество и каждый из нас.

Цифры и выводы будут зеркало. Можно не читать их, как можно отвернуться от зеркала. Можно мельком взглянуть в цифры и в зеркало, можно поглядеться и близко. Походить по переписи, как делают теперь тысячи людей, это - близко поглядеться в зеркало.

Что такое для нас, москвичей, не людей науки, совершающаяся перепись? Это две вещи. Во-первых, то, что мы наверно узнаем, что

среди нас, среди десятков тысяч, проживающих десятки тысяч, живут десятки тысяч людей без хлеба, одежды и приюта; во-вторых, то, что наши братья, сыновья будут ходить смотреть это и спокойно заносить по графам, сколько умирающих с голода и холода.

И то и другое очень дурно.

Все кричат о шаткости нашего общественного строя, об исключительном положении, о революционном настроении. Где корень всего? На что указывают революционеры? На нищету, неравномерность распределения богатств. На что указывают консерваторы? На упадок нравственных основ, Если справедливо мнение революционеров, что же надо сделать? Уменьшить нищету и неравномерность богатств. Как это сделать? Богатым поделиться с бедными. Если справедливо мнение консерваторов, что все зло от упадка нравственных основ, то что может быть безнравственнее и развратительнее, как сознательно равнодушное созерцание людских несчастия с одной целью записывать их? Что ж надо сделать? Надо к переписи присоединить дело любовного общения богатых, досужных и

просвещенных - с нищими, задавленными и темными.

Наука делает свое дело, давайте и мы сделаем свое. Сделаем вот что. Во-первых, мы все, занятые переписью, руководители, счетчики, уясним себе хорошенько то, что мы делаем, уясним себе хорошенько то, над чем и для чего мы делаем исследования. Над людьми, и для того, чтобы люди были счастливы. Как бы кто ни смотрел на жизнь, всякий согласен, что важнее ничего нет человеческой жизни, и дела нет более важного, как устранять препятствия для развития этой жизни, помочь ей.

В Евангелии с поразительной грубостью, но зато с определенностью и ясностью для всех выражена та мысль, что отношения людей к нищете, страданиям людским есть корень, основа всего.

"Кто одел голого, накормил голодного, посетил заключенного, тот меня одел, меня накормил, меня посетил", то есть сдавая дело для того, что важнее всего в мире.

Каяк ни смотри человек на вещи, всякий знает, что это важнее всего а мире.

И это надо не забывать и не позволять никаким другим соображениям заслонять от нас важнейшее дело вашей жизни. Будем записывать, считать, но не будем забывать, что если нам встретится человек раздетый и голодный, то помочь ему важнее всех возможных исследований, открытий всех возможных наук; что, если бы был вопрос в том, заняться ли старухой, которая второй день не ела, или погубить всю работу переписи, - пропадай вся перепись, только бы накормить старуху! Длиннее, труднее будет перепись, но в бедных кварталах мы не можем проходить людей, только переписывая их, не заботясь о них и не пытаясь, по мере сил и нравственной чуткости нашей, помочь им. Это во-первых. Во-вторых, вот что надо сделать: мы все, не принимающие участия в переписи, давайте не сердиться на то, что нас тревожат; поймите, что эта перепись очень полезна для нас; что если это не лечение, то это, по крайней мере, попытка исследования болезни, за которую нам надо быть благодарными и по случаю которой нам надо хоть немножко постараться оздоровить себя. Давайте мы все,

переписываемые, постараемся воспользоваться тем единственным случаем в 10 лет немножко пообчиститься; давайте не противодействовать, а помогать переписи, и помогать ей именно в том смысле, чтобы она не имела один жестокий характер обследования безнадежного больного, а имела характер лечения в выздоровления. Ведь случай единственный: 80 человек энергичных, образованных людей, имея под рукой 2000 человек таких же молодых людей, обходят всю Москву и не оставят ни одного человека в Москве, не войдя с ним в личные сношения. Все язвы общества, язвы нищеты, разврата, невежества - все будут обнажены. Что ж, неужели успокоиться на этом? Счетчики пройдут по Москве, безразлично занесут в списки с жиру бесящихся, довольных и спокойных, погибающих и погибших, и завеса закроется. Счетчики - наши братья, сыновья-юноши увидят все это, скажут: "Да, очень безобразна наша жизнь и неизлечима", - и с этим сознанием будут вместе с нами продолжать жить, ожидая исправления зла от той или другой внешней силы. А погибшие будут продолжать умирать в поги-

бели, а погибающие будут продолжать погибать. Нет, давайте лучше поймем, что у науки свое дело, а у нас, по случаю переписи, свое дело, и не дадим закрыться поднятой завесе, а воспользуемся случаем, чтобы устранить величайшее зло разобщения между нами и нищими и установить общение и дело исправления зла, несчастий, нищеты и невежества и еще большего нашего несчастья - равнодушия и бесцельности нашей жизни.

Я слышу уже привычное замечание: "Все это очень хорошо, все это громкие фразы; но вы скажите, что и как делать!" Прежде чем сказать, что делать, необходимо еще сказать, чего не делать. Прежде всего, для того чтобы из этой деятельности 1000 общества вышло дело, необходимо, по-моему, чтобы не составлялось никакого общества, чтобы не было никакой гласности, не было собирания денег балами, базарами и театрами, чтобы не было публикаций: князь А. пожертвовал 1000 р., а почетный гражданин Б. 3000; не было бы никакого собрания, никакой отчетности и никакого писания, - главное, никакого писания, чтобы не было и тени какого-нибудь учре-

ждения, ни правительственного, ни филантропического.

Делать же, по-моему, теперь, сейчас, вот что. Первое: всем тем, которые согласны со мной, пойти к руководителям, спросить у них в участке беднейшие кварталы, беднейшие помещения и вместе с счетчиками 23, 24 и 25 числа ходить по этим кварталам, входя в сношения с живущими в них, и удерживать эти сношения с людьми, нуждающимися в помощи, и работать для них.

Второе: руководителям и счетчикам обращать внимание на жителей, требующих помощи, и работать для них самим и указывать им тем, которые захотят работать на них. Но у меня спросят: что значит работать на людей? Отвечу: делать добро людям. Не давать деньги, а делать добро людям. Под словами "делать добро" понимается обыкновенно - давать деньги. Но, по моему понятию, делать добро и давать деньги - есть не только не одно и то же, но две вещи совсем разные и, большей частью, противоположные. Деньги сами по себе зло. И потому, кто дает деньги, тот дает зло. Заблуждение это, что давать

деньги - значит делать добро, произошло оттого, что, большей частью, когда человек делает добро, то он освобождается от зла и в том числе и от денег. И потому давать деньги есть только признак того, что человек начинает избавляться от зла. Делать добро значит делать то, что хорошо для человека. А чтобы узнать, что хорошо для человека, надо стать с ним в человеческие, т. е. дружеские отношения. И потому, чтобы делать добро, не деньги нужны, а нужна прежде всего способность хоть на время отречься от условности нашей жизни; нужно не бояться запачкать сапоги и платье, не бояться клопов и вшей, не бояться тифа, дифтерита и оспы; нужно быть в состоянии сесть на койку к оборванцу и разговаривать с ним по душе так, чтобы он чувствовал, что говорящий с ним уважает и любит его, а не ломается, любуясь на самого себя. А чтобы это было, нужно, чтобы человек находил бы смысл жизни вне себя. Вот что нужно, чтобы было добро, и вот что трудно найти.

Когда мне пришла мысль о помощи при переписи, я поговорил кое с кем из богатых об этом, и я видел, как рады были богатые

случаю так прилично избавиться от своих денег, этих чужих грехов, которые они берегут у себя на сердце. "Возьмите, пожалуйста, говорили мне, 300 рублей, 500 рублей, но я сам или сама не могу идти в эти трущобы". Не в деньгах недостаток. Вспомните евангельского Закхея, начальника мытарей. Вспомните, как он, оттого что был мал ростом, влез на дерево посмотреть Христа, и когда Христос объявил, что идет к нему, как он, поняв только одно, что учитель не хвалит богатство, кубарем соскочил с дерева, побежал домой и устроил угощение. И как только вошел Христос, так первым делом Закхей объявил, что половину имения даст нищим, а кого обидел, тому вчетверо отдаст. И вспомните, как мы все, читая Евангелие, низко ценим этого Закхея, невольно с презрением смотрим на эту половину именин и четверное вознаграждение. И чувство наше право. Закхей, по рассуждению, казалось бы, сделал огромное дело. Но чувство наше право. Он еще не начинал делать добро. Он только начал немного очищаться от зла. Так и сказал ему Христос. Он сказал ему только: ныне пришло спасение дому сему.

Что, если бы московские Закхей сделали то же, что он? Ведь собрался бы не один миллиард. Ну и что же бы было? - Ничего. Еще бы больше греха, если бы вздумали раздавать эти деньги бедным. Денег не нужно. Нужна деятельность самоотверженная, нужны люди, которые хотели бы делать добро, отдавая не чужие грехи - деньги, а свой труд, себя, свою жизнь. Где ж эти люди? А вот они, по Москве ходят. Это - самые счетчики-студенты. Я видел, как они записывают свои карточки. Он пишет в ночлежном 1000 доме на нарах у больного. "Чем болен?" "Воспой". И студент не морщится и пишет. И это он делает для какой-то сомнительной науки. Что же бы он сделал, если бы он делал это для несомненно-го своего личного добра и добра всех людей?

Как детям в веселом духе хочется хохотать, они не умеют придумать, чему бы хохотать, и хохочут без всякого предлога, потому что им весело, так эта милая молодежь жертвует собой. Она еще не успела придумать, за что бы им жертвовать собой, а жертвует своим вниманием, трудом, жизнью затем, чтобы записать карточку, из которой еще выйдет или не

выйдет что-нибудь. Что же бы было, если бы было такое дело, которое того стоило? Есть и было я всегда будет это дело, и одно дело, на которое стоит положить всю жизнь, какая есть в человеке. Дело это есть любовное общение людей с людьми и разрушение тех преград, которые воздвигли люди между собой, для того чтобы веселье богача не нарушалось дикими воплями оскотинившихся людей и столами беспомощного голода, холода и болезней.

Перепись выводит перед глазами нас, достаточных и так называемых просвещенных людей, всю ту нищету и подавленность, которая таится во всех углах Москвы. 2000 людей из нашего брата, стоящих на высшей ступени лестницы, станут лицом к лицу с тысячами людей, стоящих на низшей ступени общества. Не упустим случая этого общения. Через этих 2000 людей сохраним это общение и употребим его на то, чтобы избавиться самим от бесцельности и безобразия нашей жизни и избавить обделенных от тех бед и несчастий, которые чутким людям из нас не дают спокойно радоваться нашим радостям.

Я предлагаю вот что: 1) всем нам, руководителям и счетчикам, к делу переписи присоединить дело помощи - работы для добра тех людей, по нашему понятию требующих помощи, которые встретятся нам; 2) всем нам, руководителям и счетчикам, не по назначению комитета Думы, а по назначению своего сердца остаться на своих местах, т. е. в отношениях к жителям, нуждающимся в помощи, и по окончании дела переписи продолжать дало помощи. Если я сумел высказать хоть немного, то, что я чувствую, то, я уверен, что только невозможность заставит руководителей и счетчиков бросить это дело и что на место оставших от этого, дела, явятся другие; 3) всем, тем жителям Москвы, чувствующим себя способными работать для нуждающихся, присоединиться к участкам и, по указаниям! счетчиков, и руководителей, начать деятельность теперь же и потом продолжать ее; 4) всем тем, которые по старости, слабости или другим причинам не могут сама работать среди нуждающихся, поручать работу своим близким, молодым, сильным, охочим. (Добро не есть давание денег, она есть любовное отно-

шение людей. Оно одно нужно.)

Что бы ни вышло из этого, все будет лучше того, что теперь.

Пусть будет самое последнее дело, что мы, счетчики и руководители, раздадим сотню двугривенных тем, которые не ели, - и это будет немало, не столько потому, что не евшие поедят, сколько потому, что счетчики и руководители отнесутся по-человечески к сотне бедных людей. Как счастье, какие последствия, произойдут в обще-нравственном балансе от того, что вместо чувства досады, злобы, зависти, которые мы возбудим, пересчитывая голодных, мы возбудим сто раз доброе чувство, которое отразится на другом, на третьем и бесконечной волной пойдет разливаться между людьми. И это много! Пусть будет только то, что те из 2000 счетчиков, которые не понимали этого прежде, поймут, что, ходя среди нищеты, нельзя говорить: это очень интересно; что человеку несчастье другого человека должно отзываться не одним интересом; и это будет хорошо. Пусть будет то, что будет подана помощь всем тем несчастным, которых не так много, как я думал прежде, в

Москве, которым можно помочь легко почти одними деньгами. Пусть будет то, что те рабочие, зашедшие в Москву и проевшие с себя одежду и не могущие вернуться в деревню, будут отправлены домой, что сироты заброшенные будут призреы, что ослабевшие старики и старухи нищие, живущие на милосердие товарищей нищих, будут избавлены от полуголодной смелости. (А это очень возможно. Таких не очень много.) И это будет уж очень, очень много. Но почему не думать и не надеяться, что будет сделано и еще и еще больше? Почему не надеяться, что будет отчасти сделано или начато то настоящее дело, которое делается уже не деньгами, а работой, что будут спасены ослабевшие пьяницы, непопавшие воры, проститутки, для которых возможен возврат? Пусть не исправится все зло, но будет сознание его и борьба с ним не полицейскими мерами, а внутренними - братским общением людей, видящих зло, с людьми, не видящими его потому, что они находятся в нем.

Что бы ни сделано было, все будет много. Но почему же не надеяться, что будет сделано

все? Почему не надеяться, что мы сделаем то, что в Москве не будет ни одного раздетого, ни одного голодного, ни одного проданного на деньги человеческого существа, ни одного несчастного, задавленного судьбой человека, который бы не знал, что у него есть братская помощь? Не то удивительно, чтобы этого не было, а то удивительно, что это есть рядом с нашим излишком досуга и богатств и что мы можем жить спокойно, зная, что это есть. Забудемте про то, что в больших городах и в Лондоне есть пролетариат, и не будем говорить, что это так надо. Этого не надо и не должно, потому что это противно и нашему разуму и сердцу, и но может быть, если мы живые люди. Почему не надеяться, что мы поймем, что нет у нас ни одной обязанности, не говоря уже личной, для себя, ни семейной, ни общественной, ни государственной, ни научной, которая бы была важнее этой? Почему же не думать, что мы наконец поймем это? Разве только потому, что делать это было бы слишком большое счастье. Почему не думать, что когда-нибудь люди проснутся и поймут, что все остальное есть соблазн, а это одно - де-

ло жизни. И почему же это "когда-то" не будет теперь и в Москве? Почему не надеяться, что с обществом, с человечеством не будет то же, что бывает с больным организмом, когда вдруг наступает момент выздоровления? Организм болен; это значит, что клеточки перестают производить свою таинственную работу: одни умирают, другие поражаются, третьи остаются безразличными, работают для себя. Но вдруг наступает момент, когда каждая живая клеточка начинает самостоятельную жизненную работу: она вытесняет мертвые, запирает живой преградой зараженные, сообщает жизнь отживавшим, и тело воскресает и живет полной жизнью.

Отчего же не думать и не надеяться, что клеточки нашего общества оживут и оживят организм? Мы не знаем, в чьей власти жизнь клеточки, но мы знаем, что наша жизнь в нашей власти. Мы можем проявить свет, который есть в нас, или загасить его.

Приди один человек в сумерки к Ляпинскому ночлежному дому, когда 1000 человек раздетых и голодных ждут на морозе впуска в дом, и постарайся этот один человек помочь

им, и у него сердце обольется кровью, и он с отчаянием и злобой на людей убежит оттуда; а придите на эту тысячу человек еще тысяча человек с желанием помочь, и дело окажется легким и радостным. Пускай механики придумывают машину, как приподнять тяжесть, давящую нас, - это хорошее дело, но пока они не выдумали, давайте мы по-дурацки, по-мужицки, по-крестьянски, по-христиански налегнем народом - не поднимем ли? Дружней, братцы, разом!